

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.3.035
УДК 811.161.1'373.23 + 279.99(470.53) +
+ 39(470.53) + 314.1 +
+ 94(470.53)"1908/1917"

Е. В. Запольских
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия

ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕННИКА ПЕРМСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ НАЧАЛА XX в.

В статье описывается вариативность именника пермских старообрядцев Среднего Прикамья начала XX в., бывших помещичьих крестьян Пермского имения Строгановых, в отношении большинства которых установлена принадлежность к часовенному согласию. Материалом исследования стали метрические книги за 1908–1917 гг. пермских старообрядцев Богородской, Васильевской, Стряпунинской и Мало-Загарской общин, записи об имянаречении в которых производили старообрядческие наставники. Изучаемая выборка составляет 1 082 имени с повторами и вариантами, при этом именно варианты имен (отличающиеся от форм, указанных в старообрядческих и православных святыцах, в силу фонетических, морфологических и прочих преобразований) выступают основным объектом исследования. Многообразие форм личных имен объясняется сохранением в старообрядческой среде древнерусского принципа допустимой вариативности личных антропонимов. Также вариативность старообрядческой антропонимии связана с разнообразием старообрядческой культуры в целом, многоликостью ее согласий, общин и традиций. Основным методом исследования послужил стратиграфический анализ — сопоставление старообрядческих имен с именами из исторических книжных памятников более ранних эпох, в ходе которого установлена преемственная связь с антропонимией времен «до раскола». Возраст исторических источников и типы преобразований в группах имен определяют условные хронологические слои именника. Также установлено, что вариативность именника подкреплялась сохранением пермскими староверами «додиконовских» книг (миней, прологов), которые они использовали при имянаречении.

Сохранность отдельных старинных форм имен, в частности реликтовых форм с редуцированными ѿ//ы, стала возможна благодаря традиции особого старообрядческого пения (так называемого хомового), при котором ѿ//ы пропеваются как слоговые, соответственно о//е. Также выявлено, что вариативность именника в ряде случаев связана с особенностями севернорусских диалектов.

Ключевые слова: старообрядцы; часовенное согласие; региональная антропонимика; стратиграфия именника; вариативность имен; метрические книги; святыни; Пермский край; Среднее Прикамье

Вводные замечания

Изучение функционирования, развития и состояния системы собственных имен отдельных территорий — одна из задач региональных ономастических исследований. Как показатель развития и состояния языка, его жизнеспособности и динаминости, способности к дальнейшему развитию изменчивость его подсистем находит свое выражение в избыточности языковых форм. Вариативность имени как социокультурного знака может рассматриваться и в контексте варьирования культурных форм в целом. Исследованная в диахронии, она отражает механизмы последовательной адаптации заимствованных христианских имен к нормам русского языка, а также исторические процессы развития самого языка (изменения его грамматики, фонетики и пр.). Особый интерес для антропонимических исследований представляют личные имена старообрядцев — конфессиональной группы, отделившейся от русской православной церкви в ходе церковных реформ патриарха Никона в XVII в. Изолированный образ жизни старообрядцев мог способствовать сохранению редких, старинных вариантов личных антропонимов, которые были утрачены в общерусском именнике.

Описание вариативности русского именослова представлено в трудах исследователей с конца XIX в. [Шахматов, 1893; Соболевский, 1894; 1907; Толкачев, 1973]. На рост вариативности после раскола обращают внимание авторы работ [Успенский, 1969; Суперанская, 1991; Суслова, Суперанская, 1991]. В частности, Б. А. Успенский отмечает начавшееся при Никоне активное применение церковью новой «традиции канонического именования» («южно-западной») взамен старой («великорусской»), что повлекло за собой расслоение русского именника на старые канонические формы имен (многие стали разговорными) и новые канонические. В ряде исследований освещена вариативность региональной антропонимии [Барышникова, 1969; Добряк, Поротников, 1974; Алабугина, 1996; Семыкин, 2000; Комлева, 2002; Скребнева, 2008; Ганжина, Черненок, 2020]. Наличие разных вариантов личных имен фиксируют исследователи региональных старообрядческих именников XIX–XX вв. [Боровик, 2019; Кузнецова, 2006; Муратова, 1994; Назаров, 2009; Плотникова, 2019], в том числе пермских [Запольских, 2020; 2021]. К примеру, А. И. Назаров [2009] замечает более высокую

вариативность именника старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска в сравнении с именником православных г. Петропавловска, а Ю. В. Боровик [2019] обращает внимание на случаи вариативной записи одного имени одним старообрядческим наставником. Обширен материал по антропонимии русских староверов Польши, рассмотренный в монографиипольской исследовательницы М. Зюлковской-Мувка [Ziółkowska-Mówka, 2018], в которой особый интерес представляет приложение — словарь старообрядческих имен с рядами их вариантов, зафиксированных в архивных документах (с XIX в.) и современных источниках.

Тем не менее тему вариативности личных антропонимов старообрядцев нельзя назвать достаточно раскрытой. Необходим не только описательный анализ вариантов старообрядческих имен, но и их стратиграфическое сопоставление с антропонимией дораскольных книжных памятников, что позволяет хронологически проследить их развитие и выявить истоки, поскольку именно старообрядческую культуру называют заповедником культуры Руси позднего Средневековья, если не более раннего времени. Анализ вариативности имен старообрядцев может раскрыть их отношение к имени (допустимость / недопустимость варьирования формы имени, приемлемость / неприемлемость отдельных форм имен, если одни «освящены стариной», а другие — нет, и т. д.), а сама вариативность имен может быть рассмотрена в общем ряду внутренней трансформации культурных явлений.

Материал и объект исследования

Материалом исследования стали пермские метрические «Книги о родившихся» за 1908–1917 гг. [ГАПК, ф. 719, оп. 1, д. 678, 679, 686, 693, 696, 703, 708, 709, 716; оп. 9, д. 15, 15а, 17, 17а], записи об имянаречении в которых производили наставники (старшины, грамотные начетчики) старообрядческих общин. Временные рамки, выбранные для работы, обусловлены тем, что только с начала XX в. староверам разрешили официально и, главное, самостоятельно регистрировать новорожденных, что до того им было недоступно без перехода в православие или единоверие. Указ царя Николая II 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин...» [ПСЗРИ, № 28 424] легитимизировал статус зарегистрированных общин, их наставников и их право совершать традиционные обряды, в числе которых крещение с имянаречением. Изученные «Книги о родившихся» принадлежали четырем зарегистрированным в Пермской губернии общинам: Богородской, Васильевской (Пермский уезд), Стряпунинской и Мало-Загарской (Оханский уезд). Члены этих общин проживали в Среднем Прикамье — между реками Кама и Обва, на территории современного Пермского края, в Краснокамском городском округе (наиболее массово представлены записи из дд. Малое Загарье, Трубина, Горбунята, Катыши, Кузнецова, Ломаки, Фаркова, Тимина, Котомята, Обросы, с. Жаково), а также в Ильинском городском округе (дд. Лесные, Зотина, Кострыжи, Усатова, Ерешина, Панята, Рогожникова,

Антонова и пр.). При этом замечены случаи крещения староверов одной деревни в разных общинах одного толка, причем даже разных уездов, что указывает на их тесные взаимосвязи в исследуемом районе.

Из метрик было извлечено 1 082 имени с вариантами (всего нареченных), из которых был выявлен мужской и женский состав именника: 165 мужских имен и 71 женское (без повторов). В отношении большинства нареченных (838 младенцев) установлено, что они принадлежали к согласию ча с о в е н н ы х, одному из самых многочисленных в Пермском крае (Васильевская и Стряпунинская общины в метриках подписаны как «часовенные», Богородские метрики в описании [ГАПК] значатся как книги о рождении «старообрядческой часовни»). Название этого согласия связано с практикой проведения служб без священников в старообрядческих часовнях [Черных, 2019, 96], множество которых располагалось на землях, некогда принадлежавших Строгановым, особенно в изучаемом нами районе. Возведенные в конце XVIII — начале XIX в., во времена, обозначенные архимандритом Палладием как расцвет «пермского раскола», который пока еще не встречал сильных препятствий со стороны властей, часовни на долгое время стали его сильнейшей опорой [Палладий, 1863, 34–37, 52]. Более того, управляющего Пермским имением Строгановых, центр правления которого тогда находился в с. Ильинское, Палладий называл «расколопоборником», благоприятствовавшим открытию богослужения у староверов [Там же, 28–29]. Так, у богородских староверов в 1788 г. появилась Меговская, или Притыkinsкая, часовня [Там же, 35], у васильевских — Максимятская (как она названа в метриках; однако известно и о более ранней — около 1785 г. — часовне васильевских и челвинских старообрядцев в д. Русаки) [Там же]. Часовня в с. Ильинское, одна из самых старых в пермских владениях Строгановых, стала центром раскола не только изучаемого района, но и Пермской губернии в целом: Ильинское общество старообрядцев в одно время имело даже больший вес и влияние в Пермском и Оханском уездах, чем староверы Перми, губернского центра [Там же, 35, 54]. Впрочем, раньше основания Перми старообрядчество проявилось в поречье Обвы «из тутовых и прихожих людей» и распространялось сперва поселившимися в окрестностях Ильинского скитниками (1684), а затем и через торговые пути [Там же, 28]. В 1833 г., согласно подсчетам управляющего Ф. А. Волегова, старообрядцы составляли пятую часть (23 184 душ) всех крестьян Пермского имения Строгановых (110 000 душ), большинство из которых принадлежало к «поповщине», т. е. б е г л о п о п о в с к о м у согласию (22 468 душ) [ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 57, л. 1], из него впоследствии и вышли часовенные. Ильинское, Васильевское и Богородское ведомства старообрядцев оказывали сильнейшее «упорство и несогласие в принятии священников» православной церкви (1833) [Там же, д. 4а, л. 2–3]. Впоследствии Ильинский район стал одним из крупных очагов расселения часовенных в Пермском крае [Черных, 2019, 96]. Таким образом, рассматриваемые антропонимы были в ходу у пермских старообрядцев Среднего

Прикамья, бывших помещичьих крестьян Строгановых, которые, как выразились бы в старину обличители от официальной церкви, «крепко держались раскола».

Старообрядцы изучаемых общин получали имена при крещении, которое над ними совершал наставник, выбирая имя святого, почитаемого на восьмой день по рождении: сопоставление указанных в метриках дат рождения с днями поминовения святых старообрядческого календаря показало максимальные пики наречений по именинам восьмого дня как у мальчиков (61 %), так и у девочек (19 %). Наречение по именинам восьмого дня по рождении — очень древняя христианская традиция, соблюдаемая и в ряде «никонианских» приходов исследуемого периода времени. При этом едва заметно выделяется традиция наречения по именинам дня рождения у девочек (3 %).

Записанные при крещении имена предстают в разных формах, которые можно условно разделить на православные календарные, старообрядческие календарные и народные. Православные, соответствующие каноническим формам официальной церкви, которые закреплены православным календарем [см.: ПМВ], встречаются точечно (1 %): православное *Алексий* вместо старообрядческого *Алексѣй*, *Домнина* вместо *Домника*, *Елисавета* вместо *Елизавета*, *Кодратъ* вместо *Кондратъ*, *Савва* вместо *Сава*, *Симеонъ* вместо *Семеонъ*. Такое незначительное присутствие православного компонента в антропонимии среднеприкамских старообрядцев говорит о высоком уровне резистентности к чужому, и тем более исконно оппозиционному их культуре.

Для выявления старообрядческих календарных форм имен было проведено сопоставление со старообрядческим календарем-святыми за 1910–1911 гг., изданным в старообрядческой типографии г. Уральска [СМК]. Сопоставление показало, что старообрядческие календарные формы имен фигурируют в большинстве метрических записей (65 %). По всей видимости, современные старообрядческие календари были под рукой у общинных наставников. Но основной интерес для нас представляют народные варианты имен (отличающиеся от форм, указанных в старообрядческих и православных святыцах, в силу фонетических, морфологических и прочих преобразований), которые составили треть (34 %) всех имянаречений (отдельно по общинам доля народных форм колеблется, доходя почти до половины: Васильевская община — 21 %, Стряпунинская — 25 %, Богородская — 40 %, Мало-Загарская — 48 %). Подобное соотношение (30 % народных форм) наблюдается и у севернопермских староверов Антипинской общины (также в сопоставлении с [СМК]) [Запольских, 2021, 223], в то время как записи имен в православных метриках допускали меньше народных форм.

Причины варьирования имен

Обилие народных форм в метрических книгах старообрядцев связано с вариативностью личных антропонимов, которую можно представить в виде

рядов вариантов у каждого имени: *Маремъяна — Маремъяна — Маремъяна — Марімъяна — Мареомія — Маріомія, Гликерья — Гликерья — Лукирья — Гликерія, Семень — Семіонъ — Семіонъ — Семеонъ, Демитрей — Демитрий — Дмитрій — Димитрій* и т. д. Причем такая разнотипность связана не только с тем, что в одной общине могли традиционно предпочтать одну народную форму, а в другой — другую. Один и тот же наставник мог записывать имя в разных вариантах: наставник Богородской общины Павел Козьминых — «автор» таких рядов, как *Гликерья — Гликеръя — Лукирья, Алексадра — Александра — Александра, Алексадръ — Алексадръ — Александръ*; наставник Мало-Загарской общины Иван Плешков — рядов *Маремъяна — Маремъяна — Марімъяна, Ефимія — Ефимъя — Евфимія, Екимъ — Якимъ*; наставник Стряпунинской общины Данило Постников — рядов *Ефросинія — Ефрасинія, Устіна — Устінія — Єустіна*. На первый взгляд, такой разнобой кажется результатом вольности наставников, которые недостаточно щепетильно относились к фиксации имен в официальных документах, допуская в них народные формы. Однако варьирование личного антропонима в пределах одного текста авторства одного писца — далеко не редкость для древнерусских миней, прологов, евангелий, летописей и т. д. К примеру, минея XII в. [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 92] в тексте службы на 26 ноября (по старому стилю — здесь и далее) допускает ряд вариантов имени великомученика Меркурия Кесарийского: *Меркоури(i) — Меркюри(i) — Мерькоури(i) — Мъркоури(i) — Мюркоури(i)*; минея XI—XII вв. [Там же, д. 99] содержит варианты имени святой Ксении Миласской в службе на 24 января: *Жени — Късении — Южени(i)*; даже пролог конца XIV — начала XV в. [Там же, д. 165], чей текст-житие на каждого святого, согласно закону жанра, очень краток, вмещает ряд вариантов имени святого Георгия Победоносца, в честь которого 26 ноября поминается освящение церкви в Киеве: *Геврги(i) — Георги(i) — Геври(i)*. Дьякон Григорий, написавший в XI в. знаменитое Остромирово евангелие, приводит в нем имена своих святых тезок в вариантах *Григор(ъ) и Григори(i)*, причем в последней форме он указывает и себя, подписывая работу: «*Азъ Григории диаконъ написахъ...*» [ОЕ, 294]. Вариативность антропонимов в пределах одного текста древнерусского периода отмечает и Т. Ф. Кузенная [2017, 127].

Подобные ряды вариантов одного имени, как правило, нельзя назвать случайными описками или допущениями отдельного писца, поскольку они повторялись в одном или нескольких источниках, переходя из века в век. Множество народных (т. е. преобразованных) форм имен из нашей выборки являются тому подтверждением. К примеру, мена *o//a*, связанная с оканьем, в народной форме *Афонасій (< Афанасій)* в той же позиции повторяется в русских богослужебных и летописных текстах, а также в бытовой письменности как древней эпохи, так и более поздней — вплоть до изучаемого нами периода, что демонстрирует преемственность этого преобразования антропонима. Вместе с тем нельзя исключать

и случайный характер некоторых преобразований в отдельных нерегулярных случаях (ошибки, описки и пр.).

Что же касается вариативной записи имен в синхронии (в одном или разных источниках одного периода), важно отметить, что разные формы одного имени в древности воспринимались как эквивалентные. Даже варианты имен, претерпевшие весьма существенные изменения при адаптации в русском языке, нельзя отнести к просторечным, поскольку они обнаруживаются не в памятниках бытовой письменности, а в церковной литературе и текстах летописей. Причем видоизмененная народная форма (наиболее адаптированная к нормам русского языка) нередко могла быть вынесена в подзаголовок миней и прологов (образца «Месяца N в N день память святого N»), а церковнославянская (менее адаптированная к нормам русского языка) — появляться только в основном тексте. Например, именно форма *ГЭлександръ*, отразившая древнерусское оканье, возникает в подзаголовке пролога конца XIV — начала XV в. [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 168], а уже за ней в основном тексте следуют формы *Александъръ* и *Альксандъръ*. Форма *Сѣргѣ(u)*, отразившая чередование *u//e//ѣ* сразу в двух позициях, указана в подзаголовке новгородской минеи 1370 г. [РНБ, ф. 728, Соф. 189], а формы *Серги(u)* и *Сергѣ(u)* появляются ниже — в тексте службы. Таким образом, речь не идет о бытовании упрощенной русифицированной формы имени только в устной народной речи или бытовом письме и сохранении строгого канона в книжных памятниках. Разные формы одного имени воспринимались как допустимые варианты нормы и могли использоваться параллельно, в том числе в книжной письменности. Меняя форму, имя не меняло свое содержание и свое главное предназначение — указание на прямую связь со святым покровителем, в честь которого называли при крещении. Поэтому сомнения современного светского обывателя, тождественно ли имя *Алена* имени *Елена*, а *Оксана* — имени *Ксения* или это уже разные имена, были неактуальны в древности (один святой покровитель — значит, одно имя). Добавим к этому, что еще в ранней южнославянской церковной литературе X–XI вв., источнике русской книжности, не было согласия в отношении единых форм имен. Некоторые христианские имена при заимствовании сразу записывались в нескольких вариантах — как отражение разных способов адаптации в принимавшем их славянском языке. К примеру, *Марѳа* и *Марта* — в Асsemанииевом евангелии, *Марта* и *Марьта* — в Мариинском евангелии, *Марѳа* и *Марха* — в Супрасльской рукописи [SJS].

Понятие строгого канона появилось после реформ Никона, взявшего курс на приведение имен к единому стандарту: иноязычные христианские имена заново транслитерировались / транскрибировались и в унифицированном виде закреплялись в богослужебных текстах, расходившихся по церковным приходам (похожие процессы «исправления» или «восстановления» имен начались еще со вторым южнославянским влиянием, но понятия строгой каноничности они не утвердили). Это доказывается, в частности, результатами книжной справы — в корпусе

богослужебных текстов, написанных после раскола, наблюдается снижение уровня вариативности личных антропонимов, как следствие — происходит постепенный переход старых, дoreформенных, форм имен в статус народных — преимущественно для использования в народном быту (*Авдотьей* и *Егорием* могли записать в члобитной, но в церковных записях предпочтительнее стали *Евдокиа* и *Георгию*). Старообрядцы же, как сторонники старого уклада и почитатели старых книг, вслед за древнерусскими писцами невозмутимо продолжили допускать при записи имен разные варианты, которые они считали освященными и богоугодными. Наставники рассматриваемых общин не действовали импульсивно при записи имен, а последовательно продолжали традицию дораскольных времен, когда в антропонимии действовал принцип допустимой вариативности.

Сохранение в среде старообрядцев большего, чем у «никониан», объема старых форм имен связано еще и с тем, что они не знали централизации: разрозненные согласия, на которые распалась старая вера, в какой-то мере стали залогом сохранения богатого фонда старых форм имен. Не было ни единой церкви, ни единых правил имянаречения, ни единых святцов — лишь разные традиции согласий и общин и масса старых текстов, изобилующих вариантами имен. Скажем, будь в каждой старообрядческой общине унифицированные святцы, как у «никониан», девочку, крестенную по именинам 25 сентября, записывали бы преимущественно в канонической православной форме — *Евфросинией* [ПМВ]. Но раз единых святцов нет, применимы любые старообрядческие святцы, сохранившиеся дораскольные минеи и пр., которыми располагает община: согласно одним, ее записали бы как *Евфросинию* [СМК], согласно другим — как *Ефросинию* [РНБ, ф. 717, Сол. 499/518] (именно такой вариант представлен в нашей выборке), согласно третьим — как *Еуфросини(ю)* [РНБ, ф. 728, Соф. 187] и т. д. (различная передача греч. Εὐφροσύνη в ходе транскрипции / транслитерации и последующая адаптация). Примечательно, что и в старообрядческих святцах начала XX в. встречаются расхождения в формах имен святых: *Авдий* [СМК] / *Авдѣй* [СК], *Аливлихъ* / *Амблихъ*, *Вантось* / *Ваптось*, *Внифатій* / *Внифантий*, *Геннадій* / *Генадій*, *Гликірій* / *Гликерій* и т. д. Не тождественен в них и сам состав святых: имена одних есть в уральских святцах и отсутствуют в московских, и наоборот [ср.: СМК; СК]. Таким образом, вариативность именника вполне соотносится с общим старообрядческим принципом: каждый за свое, но за старое против нового.

Стратиграфия именника

Верность старым книгам как коренная идея старообрядчества стала для староверов ключом к сокровищнице с богатым выбором старинных форм имен, которую прогрессивный Никон своими реформами пытался закрыть на замок и оставить за воротами церкви. Как самоцветы в сокровищнице, старинные имена старообрядцев целыми россыпями можно обнаружить в толщах пород

разного времени. Какие-то из форм, встретившиеся нам в метриках, можно найти на страницах святцев XVII в., написанных накануне правок имен «никонианами»: *Антонида* (вместо *Антонина* в [СМК]) — как вариант с заменой финали под влиянием форманта *-ида* у более ранней древнерусской формы *Антонина / Антонына* [СЛ; ДРК]; *Есегній* (вместо *Есигній*) — как более распространенный в древности вариант имени из ряда форм с чередованием *сигн-/сегн-/сѣгн-* [СМ; ДРК; SJS]; *Ульяния* (вместо *Іуліанія*) — как вариант к ранней форме *Иоулиани* (от греч. Ἰουλιανή), с усечением начального безударного *И-*, переходом *иа- > ыа-* в середине имени, связанным с процессом падения редуцированных гласных, и выравниванием финали *-и* по типу *-иа: -и > -иа* [СЛ; ДРК; SJS].

За другими формами имен нужно спускаться хронологически глубже. Например, мужскими именами с преобразованной финалью *-ии > -ей* наполнены минеи и прологи конца древнерусской эпохи: имя *Григореи* из нашей выборки в том же виде предстает в прологе конца XIV — начала XV в. [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 155], форму *Корнилей* находим в прологе XIV в. [Там же, д. 163], *Сергей* — в Переславской минее XV в. [Там же, д. 88], *Артемей* — в прологе XV в. [Там же, д. 160]. Преобразование этого типа в нашем материале представлено также именами *Афанасей*, *Василей*, *Вифантеи*, *Гуреи*, *Демитрей*, *Евгеней*, *Ефимей*, *Игнатей*, *Леонтеи*, *Мерькулей*, *Савелей*, *Терентей*, *Увиналей*, а также *Агъй* и *Прокопеи / Прокопъи* — при смешении *и//е//ъ*, которое было типичным для древненовгородского диалекта [ДНД, 25–26, 205]. Мена финали *-ии > -ей (-ъй)*, прошедшая не без влияния дохристианского антропонимного форманта *-ей (-ъй)*, как в славянских именах *Малей*, *Поздей*, *Вепръй* и т. д. [Толкачев, 1978, 131–132], сохранилась в северорусских окающих говорах. Зафиксирована она и в других именниках пермских старообрядцев (жителей заводских поселений и северных деревень) [Запольских, 2020, 142–143; 2021, 223]. Здесь же приведем формы женских имен с преобразованием финали *-иа > -ея (-ъя)* (*Пелагея*, *Аскитрея*, *Клавдъя*, *Маръя*, *Наталъя*, *Ефимъя*), а также имен с чередованием *и//е//ъ*: *Ксъния* (ср. *Ксения*, *Аксинья*), *Феопънть* (ср. *Феонемт*), *Татъяна / Татияна*, которые также указывают на связь с Русским Севером. Есть и другие примеры преобразований финали по северорусскому типу: *-иль > -ило/-йло* в вариантах имен *Ермило* (<*Ермиль*>) и *Михайлло / Михайло* (<*Михайлъ*>) (зафиксировано и в именнике пермских заводских старообрядцев [Запольских, 2020, 142–143]), а также мена финали *-онъ > -анъ* в имени *Тиханъ* (<*Тихонъ*>). При этом оба вида преобразований, как и в случае с меной финали *-ии > -ей (-ъй)*, проходили под влиянием дохристианских антропонимных формантов, как в славянских именах *Рад-ило*, *Суд-ило* и *Губ-ан*, *Лоб-ан* [Толкачев, 1978, 124, 126–127; Алабугина, 1996, 94–95].

Другие формы имен можно обнаружить в минеях времен еще домонгольской Руси (XI–XII вв.): *Акулина* [ДРК] (вместо *Акилина* в [СМК]) — как вариант с древнерусской передачей ижицы (= *Акулина*), *Устина* [ДРК] (вместо

Іустина) — как вариант с усечением начального безударного *I-* у ранней формы *Іустина / Іоустина* [SJS], *Орина* [РНБ, ф. 728, Соф. 203] (вместо *Ирина*) — как вариант, отражающий в своем начале древнерусское оканье, и пр. Целый ряд вариантов *Маремъяна* — *Маремъяна* — *Маремъяна* — *Марімъяна* имени святой Мариамны, сестры апостола Филиппа (именины 17 февраля), дошел до нас из глубины веков, пережив серию преобразований (чертедования *и//е*, изменения [i] редуцированного в слабой позиции и др.), о чем свидетельствуют их предковые формы: *Маримилини(а)* — в мине XII в. [ДРК] и *Маримилина* — в новгородской берестяной грамоте № 506 (XII в.) [ДНД]. Эти варианты могли появиться через метатезу *-милан-* < *-игамн-* от более ранней формы *Мариамни* (от греч. Μαριάμνη) [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 103]. При этом в старообрядческих святцах начала XX в. [СМК] имя записано как *Маріамія*, что, по всей видимости, является «восстановленным» вариантом имени времен второго юнославянского влияния (в такой форме мы находим его в прологах с XIV в.). В нашей выборке с этой формой связаны варианты *Мареомія* — *Маріомія*.

Любопытны формы имен *Настасъя* — *Настасия* и *Алексадръ* — *Алесадръ*, *Алексадра* — *Алесандра*, которые могут в очередной раз навести на ложные мысли о вольности наставников при ведении метрик, якобы записывающих имена в неподобающей форме. *Настасъя*, как имя былинных богатырок Настасьи Микулишны и Настасьи Королевичны, кажется сугубо просторечным, характерным только для народной речи и фольклора. Однако именно в форме *Настасия* оно появляется в XII в. в тексте Македонского Апостола — как вариант с усечением начального безударного *A-* от ранней формы *Anastasia* [SJS]. Также ни просторечием, ни опиской нельзя назвать форму *Алексадръ*, которую в том же виде (*Алєзадръ*) находим на страницах сербского Шишатовацкого Апостола XIV в. [SJS]. Другие формы этого имени, с упрощением *др-* < *ндр-* (избыточной для славянского языка комбинации согласных), можно встретить и в более ранних богослужебных текстах южных славян X—XII вв.: *Алеска-дръ*, *Алекс-дръ* [SJS]. Упрощение *с-* < *кс-* в вариантах *Алесадръ* и *Алесандра*, очевидно, также произошло по причине сложности комбинации согласных (их подвижность и неустойчивость заметна в уже упомянутом юнославянском варианте *Алескладръ* и в древнерусских формах *Олесандръ* / *Олоскладръ* [ДНД]).

Как видим, народные, а точнее старинные, формы имен, которые использовали пермские старообрядцы Среднего Прикамья, можно найти в текстах, по времени охватывающих всю дониконовскую эпоху, вплоть до юнославянских протографов. Очевидно, что, помимо современных старообрядческих святцев, наставники опирались при имянаречении на святцы и более ранние, старые имена, прологи и т. д. — все, что надлежало передавать из поколения в поколение как источник истинного христианского вероучения, потому как старые книги, по убеждению староверов, чисты и непорочны. Подтверждение тому — сообщения Ф. А. Волегова о том, что старообрядцы-поповцы Пермского имения Строгановых «моления

и требы исправляют <...> по книгам частию напечатанным до времен <...> Никона, и частию по перепечатанным и искаженным (официальная церковь, напротив, считала старые книги искаженными. — Е. З.) <...> без рассмотрения и одобрения цензуры» (1833) [ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 57].

На использование при имянаречении старых книг указывает и отсутствие в рассмотренных святыцах начала XX в. [СМК; СК] имени *Макавей* из нашей выборки. Нет его и в списках имен святых православной церкви [см.: ПМВ]. Зато древнерусские минеи XII в. предписывают 1 августа чтить память «сты(х) *Макавѣи* и мѣtre ихъ Соломониа» [ДРК] — как раз тогда, когда был крещен старообрядец Мало-Загарской общинны, спустя восемь дней по рождении (имеется запись о его рождении 25 июля и о крещении 1 августа). Святыцы накануне раскола [СМ] также предписывали в эту дату поминать «стых мѣчнъ, седми братиї поплоти *Маккавей*» (т. е. «семь братьев Маккавеев» — по имени их предка *Иуды Маккавея*), где далее в тексте все они перечислены по именам. Однако родовое имя *Маккавей* могло быть принято за личное в формулировках вроде той, что употребляется в прологе конца XIV — начала XV в., где оно упоминается в перечне святых будто бы отдельно от семи братьев: «стѣхъ *Маковии* и Елеазора и Соломони и (7) отрокъ» [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 169]. Соответственно, можно предположить, что в период до Киприановской реформы (второго южнославянского влияния с новыми переводами текстов) на Руси появились случаи использования родового имени *Маккавей* в качестве личного (ср. фамилии *Маккавеев*, *Макавеев*, *Маковеев*, *Маковѣев*, *Маковиев* и т. д. [ГАПК, ф. 37, оп. 3, д. 87, 117; оп. 6, д. 1063; ф. 442, оп. 1, д. 53]). Его распространению могли способствовать такие имена, как *Макогонъ*, *Макосѣй*, *Маковка* и пр. [Тупиков, 1903, 240] (сходство начальной группы как бы включало его в этот ряд), а его укреплению в именнике — переход в статус хрононима: 1 августа праздновали *Спас-Маккавей*, переосмысленный в народном сознании как *Маковей*, поскольку в это время веяли (очищали) маковые головки [Федосюк, 1972, 107]. Уточненное в текстах после Киприановской реформы как родовое имя (как, например, в формулировке «братиї поплоти Маккавей» [СЛ; СМ]), оно должно было выйти из употребления как личное, но старообрядцы, державшиеся старых текстов, могли сохранять его в своем именнике.

Лингвистические примеры

Реликты с редуцированными ѿ//ъ

Ценнейшими жемчужинами в сокровищнице имен пермских старообрядцев Среднего Прикамья можно считать исторические реликты — имена с ѿ//ъ между согласными, образованные под влиянием закона открытого слога, который действовал в древнерусском и старославянском языках как общее праславянское наследие. При заимствовании иноязычные имена были вынуждены подстроиться под норму принимавшего их языка и изменить структуру слога, разделив

некоторые характерные сочетания согласных вставкой между ними гласных, в частности редуцированных. Преобразования этого типа можно проследить начиная с ранних богослужебных текстов еще южнославянского происхождения, в которых есть те же имена с ъ//ь в тех же позициях, что и в рассмотренных метриках: *Сергий* из нашей выборки — как *Серьги* в Синайском Евхологии XI в., *Марьфа* — как *Марыта* в Саввиной книге XI в., *Георгий* — как *Георгии* (там же), *Варвара* и *Варвара* — как *Варвара* в Охридском Апостоле XII в., *Корнилей* — как *Корниль* (там же) [SJS] и т. д. В тот же период времени подобными именами насыщены и древнерусские источники: *Мерькулей* из нашей выборки — как *Мерькоури(i)* в мине XI в. [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 92], *Георгий* — как *Георги(i)* в мине XI в. [Там же, д. 91], *Евдокия* и *Евдокия* — как *Овьдокия* в ранних берестяных грамотах [ДНД], *Арькадеи* — как *Оръкадъ* (там же), *Артемей* — как *Ортемьи* (там же) и т. д. Стабильно присутствуют они и в последующее время (как графические варианты имен после падения редуцированных гласных), что заметно по прологам XIV в.: *Артемии* [РГАДА, ф. 381, оп. 1, д. 153], *Корнил(iи)* [Там же, д. 162], *Марьфа* [Там же, д. 157], *Мерькурии* [Там же, д. 155] и т. д. Называя такие формы имен нашей выборки реликтовыми (среди которых также *Гевьгения*, *Евъсий*, *Евъсегний*, *Ерьмолай*), мы подразумеваем, что на начало XX в. они уже не были характерными для русского именословия. Закон открытого слога и редуцированные гласные остались в прошлом, выведя из обихода имена с ъ//ь в указанных позициях.

Однако у пермских старообрядцев имелось свое представление о том, что вечно, а что бренно. Отсутствуя в старообрядческих святыцах начала XX в., такие имена могли сохраняться за счет имянаречения по старинным минеям, прологам и пр. Причем подспорьем в их сохранении могла быть традиция особого старообрядческого пения (так называемого хомового), при котором богослужебные тексты пропевались, ъ//ь тянулись и становились полногласными. По всей видимости, о таком пении у пермских старообрядцев писал архимандрит Палладий: «Церковное пение у пермских староверов <...> кажется весьма странным <...> поют они <...> весьма протяжно» [Палладий, 1863, 172]. Исключение ъ//ь в таком случае не представлялось возможным, поскольку вместе с ними произошла бы и выкидка немалого числа слогов, что привело бы к нарушению мелодии распева [Успенский, 2002, 145], а впоследствии — к затруднению и даже осквернению богослужения. Поэтому такое пение, по убеждению пермских староверов, было «достойно бдительного сохранения в неизменной его чистоте» [Палладий, 1863, 173]. Таким образом, с первых веков христианства на Руси формы имен с редуцированными слоговыми гласными были вплетены в полотно текстов богослужебных песнопений, что и обеспечило их устойчивость в именнике старообрядцев при сохранении старых книг.

Как именно пропевались ъ//ь в таких именах на часовенных службах, могут прояснить древнерусские примеры имен, отражающие классическую схему

перехода ъ > о, ъ > е, происходившую после падения редуцированных гласных: *Геореги(u), Горег(u), Гюргег(u)* (<*Георгии*), *Мароөа, Марома* (<*Марьөа*), *Оводокиа* (<*Овъодокиа*) — в новгородских берестяных грамотах конца XII — начала XIII в. [ДНД, № 165, 228, 506, 508, 545, 853]. О том, что ъ//ь во время богослужебного распева «при растяжении могут переходить в тянувшиеся о, е», писал Б. А. Успенский [2002, 141, 145]. Как звучали ъ//ь в именах вне часовенной службы, в быту, и звучали ли они вообще, придавал ли ъ мягкость предшествующему согласному, воспринимаясь лишь как мягкий знак, — вопрос уже другой, на него данные метрик не отвечают. Можно предположить, что ъ//ь в указанных позициях, пропевавшиеся на службе, не произносились в быту и при записи имен в метрики сохранялись только формально, как часть священного текста, не подлежащего правке даже до буквы.

Случаи контаминации

Некоторые имена со временем настолько видоизменились, что их бывает весьма сложно идентифицировать. Пройдя долгий путь развития вместе, как составные элементы русского антронимического пространства, они могли перенять друг от друга черты, ранее им не свойственные (изменения под влиянием формантов, выравнивание по одному типу), или даже контаминироваться, в результате чего образуется новое имя (вариант имени). В имени *Евроксинія* из нашей выборки сложно разобрать, где заканчивается *Евраксия* и начинается *Евфросиния*. Будучи контаминацией этих имен, оно тем не менее может быть идентифицировано как вариант имени *Евфросиния*, поскольку нареченная так старообрядцем Богородской общины была крещена 26 июня, накануне же, 25 июня, надлежало чтить память святой Евфросинии Полоцкой (ее именники выпадали на восьмой день по рождении). Кроме того, такое смешение нельзя назвать случайным или мотивированным простой схожестью имен, потому как разные источники называют разные имена полоцкой княжны XII в.: *Евфросиния, Предслава, Параскева и Евраксия*, причем последнее фигурирует в ее житии также как имя ее двоюродной сестры, ее ближайшей соратницы, что могло спровоцировать смешение их имен.

Другой пример контаминации — это имя *Марковей*, его история связана с уже упомянутыми семью братьями *Маккавеями*, одного из которых звали *Маркелл*. Нареченный этим именем старообрядец был крещен 1 августа — как раз по именинам этого святого. Почитание *Маркелла Маккавея* могло привести к смешению его личного и родового имен, которые сомкнулись в вариант *Марковей*. Примечательно, что такой вариант имени известен также как фитоним — одно из названий растения румянка [Даль, 4, 115], что может намекать на традицию его сбора в начале августа. Вместе с тем П. Т. Поротников считает имя *Марковей* вариантом имени *Марк* [Поротников, 1979, 17]. Второй нареченный этим именем крещен именно в день памяти святого Марка Арефусийского — 29 марта. Таким

образом, можно допустить, что в одном имени совместилось почитание двух святых (Маркелла Маккавея и Марка Арефусийского) и смешалось сразу три имени (*Марк, Маркелл, Маккавей*).

Оба примера контаминации возникли, по всей видимости, еще до раскола (эти же формы имен встречаются и у «никониан») и стали проявлением принципа допустимой вариативности в антропонимии, который господствовал в древнерусский период и сохранялся у среднеприкамских старообрядцев.

Выводы

Подводя итог, скажем, что пермские старообрядцы Среднего Прикамья начала XX в. сохраняли в своем именнике множество старинных форм имен, зафиксированных в источниках дораскольного периода, в чем помог убедиться стратиграфический анализ антропонимии. По типу преобразований и возрасту источников группы имен определяют условные хронологические слои именника. Наиболее древний слой — формы имен, восходящие к южнославянским протографам. Самым типичным примером здесь выступают встречающиеся в ранних богослужебных текстах южных славян формы с редуцированными ъ//ъ между согласными, преобразованные под влиянием общеславянского закона открытого слога (*Серьгий, Корьнилай, Варъвара* и др.). Следующий слой — формы имен, возникшие на восточнославянской почве в древнерусский период. Это, к примеру, преобразования, отражающие древнерусское оканье (*Орина, Афонасій*), древнерусскую передачу ижицы (*Акулина*), мену финали *-ии > -ей* в мужских именах (*Артемей, Григореи, Корнилай* и др.). Далее пролегает большой слой имен, форма которых была «восстановлена» во времена второго южнославянского влияния с новыми переводами богослужебных текстов. Это многие имена из старообрядческих святцов, которые мы отнесли не к народным формам, а к старообрядческим календарным (обратная мена финали *-ии <-ей* в мужских именах, устранение древнерусского оканья и т. д.). Нагляден пример одного имени с «восстановленными» вариантами *Мареомія — Маріомія* в противовес другим его вариантам *Маремъяна — Маремъяна — Маремъяна — Marim'яна* из предыдущего слоя. Тонкая прослойка — небольшая доля имен эпохи после раскола и книжной справы патриарха Никона XVII в. — это православные формы календаря Русской церкви, заново транслитерированные / транскрибированные с греческого (*Савва, Кодратъ, Елисавета* и др.), что свидетельствует о незначительном влиянии антропонимии «никонианской» церкви на именник среднеприкамских старообрядцев в результате их контактов в изучаемом районе.

Высокая вариативность именника обусловлена сохранившимся у среднеприкамских старообрядцев древнерусским принципом допустимой вариативности личных антропонимов, при котором преобразуемая форма имени не меняла

его сути — связи с почитаемым святым. Вместе с тем вариативность старообрядческой антропонимии связана с разнообразием старообрядческой культуры в целом (неидентичные книжные фонды разных согласий и общин). Некоторые имена, в частности реликтовые формы с редуцированными ъ//ъ между согласными, прямо указывают на применение имяречения по старым богослужебным текстам (минеям, прологам и пр.) помимо старообрядческих святцев начала XX в., что могло поддерживаться сохранением традиции особого старообрядческого пения (хомового). Многие формы имен демонстрируют связь с севернорусскими диалектами.

Источники

- ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. 37. Оп. 3. Д. 87, 117; Оп. 6. Д. 1063; Ф. 442. Оп. 1. Д. 53; Ф. 672. Оп. 1. Д. 4а, 57; Ф. 719. Оп. 1. Д. 678, 679, 686, 693, 696, 703, 708, 709, 716; Оп. 9. Д. 15, 15а, 17, 17а.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882.
- ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- ДРК — *Срезневский И. И.* Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIII века. СПб. : [б. и.], 1863.
- ОЕ — Остромирово Евангелие 1056/1057 г. СПб. : Фото-Лит. А. Ф. Маркова, 1889.
- Палладий (Пьянков), еп.* Обозрение Пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб. : Странник, 1863.
- ПМВ — *Спасский И. А.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2 : Святой Восток. М. : Тип. Соврем. Известий, 1876.
- Поротников П. Т.* Материалы для словаря вариантов русских личных имен. I // Вопросы ономастики. 1979. № 13. С. 5–28.
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. 3-е собр. : в 33 т. Т. 26. СПб. : Гос. тип., 1909.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 381. Оп. 1. Д. 88, 91, 92, 99, 103, 153, 155, 157, 160, 162, 163, 165, 168, 169.
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург). Ф. 717, 728.
- СК — Старообрядческий календарь на 7423–7424 лето. М. : Изд-во Моск. Старообр. Братства Честного и Животворящего Креста Господня, 1915.
- СЛ — Святцы лицевые с дополнениями (конец XVII в.) // Российская государственная библиотека. ОР Ф. 722. № 1084.
- СМ — Святцы. М. : Печатный двор, 1646 // Российская государственная библиотека. МК Кир. 4. Инв. № 2829. Рег. № 145587-О.
- СМК — Старообрядческий месяцеслов-календарь. Уральск : Изд-во Уральской Старообр. тип., 1910.
- Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скородова, 1903.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1–4. Lexicon linguae palaeoslovenicae / hl. red. J. Kurz, Z. Hauptová. Praha : Nakl. Československé Akad. Věd, 1958–1997.

Исследования

- Алабугина Ю. В.* Календарное имя в севернорусских говорах // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. трудов / отв. ред. М. Э. Рут. Вып. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 91–96.
- Барышникова Э. Д.* Трансформация личных собственных имен иноязычного происхождения и уменьшительные формы от них в говорах Кировской области // Ученые записки Уральского государственного университета. Сер. Филология. 1969. Вып. 8, № 80. С. 68–74.
- Боровик Ю. В.* Личные имена новорожденных в екатеринбургских старообрядческих общинах начала XX в. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 30–47. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.029
- Ганжина И. М., Черненок М. Ю.* Личные имена и прозвища средневековой Твери // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. (Кострома, 9–10 сентября 2020 г.) : в 2 т. / науч. ред. Н. С. Ганцовская, В. И. Супрун. Кострома : КГУ, 2020. Т. 1. С. 263–270. <http://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.263-270>
- Добряк А. А., Поротников П. Т.* Варианты полных личных имен в составе фамилий жителей Верхотурского и Нижнетагильского районов Свердловской области // Вопросы ономастики. 1974. № 8–9. С. 57–76.
- Запольских Е. В.* Особенности именника старообрядцев заводских поселений Пермской губернии XIX — начала XX в. // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. Вып. 8. С. 138–145.
- Запольских Е. В.* Севернопермская традиция имянаречения у старообрядцев Пермского края XIX — нач. XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 17–18 ноября 2021 г.) / науч. ред. А. П. Майоров. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2021. С. 218–229. <http://doi.org/10.18101/978-5-9793-1674-1-218-229>
- Комлева Н. В.* Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси / отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т, 2002. С. 36–52.
- Кузенная Т. Ф.* Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 124–132. <http://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-12>
- Кузнецова Я. Л.* Исетские старообрядческие имена в современном языковом сознании: структура, семантика, pragматика (на материале Первой всероссийской переписи 1897 г.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Тюмен. гос. ун-т. Саратов, 2006.
- Муратова Е. Ю.* Именник старообрядческой общины на территории Миорского района Витебской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1994.
- Назаров А. И.* Именник старообрядцев-поповцев земли Уральского казачьего войска // Вопросы ономастики. 2009. № 7. С. 81–99.
- Плотникова А. А.* Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 48–60. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030
- Семыкин Д. В.* Антропонимия Чердынской ревизской сказки 1711 года: К проблеме становления официального русского антропонима : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000.
- Скребнева Т. В.* Антропонимная вариативность: проблемные вопросы, специфика проявления в региональном именнике // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 236–243.

- Соболевский А. И.* Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1894.
- Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М. : Унив. тип., 1907.
- Суперанская А. В.* Имена и раскол: Пересмотр русских имен в XVII веке // Наука и жизнь. 1991. № 1. С. 148–154.
- Слова А. В., Суперанская А. В.* О русских именах. 3-е изд., испр. и доп. Л. : Лениздат, 1991.
- Толкачев А. И.* Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // Славянское языкознание : VII Междунар. съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации / ред. Т. В. Попова и др. М. : Наука, 1973. С. 252–271.
- Толкачев А. И.* К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалификативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. III // Этимология. 1976 / ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1978. С. 112–135.
- Успенский Б. А.* Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 80–103.
- Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М. : Аспект Пресс, 2002.
- Федосюк Ю. А.* Русские фамилии : популярный этимологический словарь. М. : Детская литература, 1972.
- Черных А. В.* Старообрядческие согласия в народной терминологии русского населения Пермского края // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 85–110. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.016
- Шахматов А. А.* Исследования в области русской фонетики. Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1893.
- Ziółkowska-Mówka M.* System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Toruń : EIKON, 2018.

Рукопись поступила в редакцию 21.01.2023

Рукопись принята к печати 01.09.2023

* * *

Запольских Евгения Владимировна
аспирант кафедры общего языкознания,
русского и коми-пермяцкого языков
и методики преподавания языков
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: zapolskikh.ev@mail.ru

Zapolskikh, Evgeniya Vladimirovna
Graduate Student
Department of General Linguistics,
Russian and Komi-Permyak Languages
and Methods of Teaching Languages
Perm State Humanitarian-Pedagogical
University
24, Sibirskaya Str., 614990 Perm, Russia
E-mail: zapolskikh.ev@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1926-559X>

Evgeniya V. Zapolskikh

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
Perm, Russia

VARIABILITY OF PERM OLD BELIEVERS' NAME SYSTEM IN THE EARLY 20th-CENTURY MIDDLE PRIKAMYE

The article describes the variability of the name system of Perm Old Believers — former peasants of the Stroganov Perm estate living in Middle Prikamye in the early 20th c., that ostensibly belonged to the Chasovennye confession. The research is based on the Perm Old Believers' metric books of 1908–1917 from the Bogorodskaya, Vasilyevskaya, Stryapuninskaya and Malo-Zagarskaya communities, featuring the naming records made by Old Believers' mentors. The database under study consists of 1082 names including duplicates and variants of names (as distinct from Believers' and Orthodox name forms due to phonetic, morphological, and other transformations) that are the main object of the research. The variety of personal name forms is explained by the Old Russian principle of permissible variability of personal names in the Old Believers' community. Another reason for the variability is the diversity of the Old Believers' culture as such, embracing many confessions, communities, and traditions. The main research method was stratigraphic analysis, i.e., comparing Old Believers' names with the names from sources of the earlier periods. This one showcases the consistency of naming tradition with the anthroponymy that was in use before the schism. The age of historical sources and types of transformations in groups of names determine the chronological layers within the name system. It was also established that the variability was reinforced by the preservation of the old "pre-Nikonite" (Menaions, Synaxaria) books which the Perm Old Believers used for naming. The preservation of the ancient name forms, particularly the relict forms with extra-short *u/b* became possible due to the preserved tradition of special Old Believers' singing (so-called, Khomovy Chant), in which *u/b* are sung as syllabic ones, respectively *o/e*. It has also been revealed that the variability of personal names is partly caused by the peculiarities of the North Russian dialects.

K e y w o r d s: Old Believers; Chasovennye; regional anthroponymy; stratigraphy of anthroponymicon; variability of names; metric books; menologium; Perm region; Middle Prikamye

References

- Alabugina, Yu. V. (1996). Kalendarnoe imia v severnorusskikh govorakh [Calendar Name in Northern Russian Dialects]. In M. E. Ruth (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika: sbornik nauchnykh trudov* [Onomastics and Dialect Vocabulary] (Iss. 1, pp. 91–96). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Baryshnikova, E. D. (1969). Transformatsiia lichnykh sobstvennykh imen inoiazychnogo proiskhozhdeniia i umen'shitel'nye formy ot nikh v govorakh Kirovskoi oblasti [Transformation of Personal Proper Names of Foreign Origin and their Diminutive Forms in the Dialects of the Kirov Region]. *Uchenye zapiski Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*, 8 (80), 68–74.
- Borovik, Yu. V. (2019). Lichnye imena novorozhdennykh v ekaterinburgskikh staroobriadcheskikh obshchinakh nachala XX v [Personal Names of Newborns in Ekaterinburg Old Believer

- Communities of the Early 20th Century]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 30–47. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.029
- Chernykh, A. V. (2019). Staroobriadcheskie soglasia v narodnoi terminologii russkogo naseleniya Permskogo kraia [Names of Old-Believer Confessions in the Popular Terminology of the Perm Region]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 85–110. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.016
- Dobryak, A. A., & Porotnikov, P. T. (1974). Varianty polnykh lichnykh imen v sostave familii zhitelei Verkhoturskogo i Nizhnetagil'skogo raionov Sverdlovskoi oblasti [Variants of Full Personal Names as Part of the Surname of Residents of the Verkhotursky and Nizhny Tagil Districts of the Sverdlovsk Region]. *Voprosy onomastiki*, 8–9, 57–76.
- Fedosyuk, Yu. A. (1972). *Russkie famili: populjarnyi etimologicheskii slovar'* [Russian Surnames: Popular Etymological Dictionary]. Moscow: Detskaia literatura.
- Ganzhina, I. M., & Chernenok, M. Yu. (2020). Lichnye imena i prozvishcha srednevekovoi Tveri [Personal Names and Nicknames of Medieval Tver]. In N. S. Gantsovskaya, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 8th International Research Conference] (Vol. 1, pp. 263–270). Kostroma: KGU. <http://doi.org/10.34216/2020-1.onomast.263-270>
- Komleva, N. V. (2002). Derivatsii muzhskikh lichnykh imen v vologodskikh pamiatnikakh ofitsial'no-delovoi pis'mennosti kontsa XVI — XVII vekov [Derivation of Male Personal Names in Vologda Monuments of Official Correspondence of the Late 16th — 18th Centuries]. In Yu. I. Chaikina (Ed.), *Istoriia russkogo slova: Onomastika i spetsial'naia leksika Severnoi Rusi* [History of Russian Word: Onomastics and Special Vocabulary of Northern Rus'] (pp. 36–52). Vologda: Vologda State Pedagogical University.
- Kuzennaya, T. F. (2017). Tipologicheskie osobennosti antroponomikona raznozhanrovых pamiatnikov drevnerusskoi pis'mennosti [Typological Features of the Anthroponymicon of Multi-genre Works of Ancient Russian Literature]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 8(2), 124–132. <http://doi.org/10.5922/2225-5346-2017-2-12>
- Kuznetsova, Ya. L. (2006). *Isetskie staroobriadcheskie imena v sovremennom iazykovom soznanii: struktura, semantika, pragmatika (na materiale Pervoi vserossiiskoi perepisi 1897 g.)* [Iset Old Believer Names in Modern Linguistics Perspective: Structure, Semantics, Pragmatics (Based on the Materials of the First All-Russian Census of 1897)] (Doctoral dissertation). Tumen State University, Saratov.
- Muratova, E. Yu. (1994). *Imennik staroobriadcheskoi obshchiny na territorii Miorskogo raiona Vitebskoi oblasti* [Old Believer Community Name System of the Miory district of the Vitebsk region] (Doctoral dissertation). Belarus State University, Minsk.
- Nazarov, A. I. (2009). Imennik staroobriadtsev-popovtsev zemli Ural'skogo kazach'ego voiska [Name System of the Old Believers-Priests of the Ural Cossack Army Land]. *Voprosy onomastiki*, 7, 81–99.
- Plotnikova, A. A. (2019). Zametki o regional'noi antroponomии staroverov Latgalii [Notes on the Regional Anthroponymy of the Old Believers of Latgale]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 48–60. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030
- Semykin, D. V. (2000). *Antroponimiia Cherdynskoi revizskoi skazki 1711 goda: K probleme stanovleniya ofitsial'nogo russkogo antroponima* [Anthroponymy of the Cherdyn Revision Tale of 1711: On the Problem of the Formation of the Official Russian Anthroponym] (Doctoral dissertation). Perm State University, Perm.
- Shakhmatov, A. A. (1893). *Issledovaniia v oblasti russkoi fonetiki* [Research in Russian Phonetics]. Warsaw: Tip. Varshaw. ucheb. okruga.
- Skrebneva, T. V. (2008). Antroponimnaia variativnost': problemnye voprosy, spetsifika proiavleniiia v regional'nom imennike [Anthroponymic Variability: Manifestations in the Regional Name

- System]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 7, 236–243.
- Sobolevsky, A. I. (1894). *Iuzhno-slavianskoe vlianie na russkuiu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic Influence on Russian Writing in the 14th–15th Centuries]. St Petersburg: Tip. M. Merkusheva.
- Sobolevsky, A. I. (1907). *Lektsii po istorii russkogo iazyka* [Lectures on the History of the Russian Language] (4th ed.). Moscow: Univ. tip.
- Superanskaya, A. V. (1991). Imena i raskol: Peresmotr russkikh imen v XVII veke [Names and Schism: Revision of Russian Names in the 17th Century]. *Nauka i zhizn'*, 1, 148–154.
- Suslova, A. V., & Superanskaya, A. V. (1991). *O russkikh imenakh* [About Russian Names] (3rd ed.). Leningrad: Lenizdat.
- Tolkachev, A. I. (1973). Osnovnye faktory foneticheskikh izmenenii v zaimstvovannykh greko-kristianskikh imenakh v drevnerusskom iazyke [The Main Factors of Phonetic Changes in Borrowed Greek-Christian Names in the Old Russian Language]. In T. V. Popova et al. (Eds.), *Slavianskoe jazykoznanie: VII Mezhdunar. s"ezd slavistov (Varshava, avgust 1973 g.)*. *Doklady sovetskoi delegatsii* [Slavic Linguistics: The 7th International Congress of Slavists (Warsaw, August 1973). Reports of the Soviet Delegation] (pp. 252–271). Moscow: Nauka.
- Tolkachev, A. I. (1976). K istorii slovoobrazovaniia form so znacheniem sub"ektivnoi otsenki (kvalitativov) lichnykh sobstvennykh imen grecheskogo proiskhozhdeniya v drevnerusskom iazyke XI–XV vv. III [On the History of the Formation of Personal Proper Names of the Greek Origin with Subjective Modality in the Old Russian language of the 11th–15th Centuries]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologija. 1976* [Etymology. 1976] (pp. 122–135). Moscow: Nauka.
- Uspenskij, B. A. (1969). Nikonovskaia sprava i russkii literaturnyi iazyk (Iz istorii udareniiia russkikh sobstvennykh imen) [Nikonovskaya Sprava and the Russian Literary Language (from the History of the Stress in Russian Proper Names)]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 80–103.
- Uspenskij, B. A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [The History of Russian Literary Language] (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Zapolskikh, E. V. (2020). Osobennosti imennika staroobriadtsev zavodskikh poselenii Permskoi gubernii XIX — nachala XX v [Characteristic Features of the Name System of the Old Believers of Factory Settlements of the Perm Province in the 19th—Early 20th Century]. *Sotsiopsichholingvisticheskie issledovaniia*, 8, 138–145.
- Zapolskikh, E. V. (2021). Severnopermskaia traditsiia imianarecheniia u staroobriadtsev Permskogo kraia XIX — nach. XX v. [North Perm Tradition of Naming among the Old Believers of the Perm Region of the 19th—Early 20th Centuries] In A. P. Mayorov (Ed.), *Staroobriadchestvo: istoriia i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye sviazi: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Old Believers: History and Modernity, Local Traditions, Russian and Foreign Connections: Proceedings of the 7th International Conference] (pp. 218–229). Ulan-Ude: Izd-vo BGU. <http://doi.org/10.18101/978-5-9793-1674-1-218-229>
- Ziółkowska-Mówka, M. (2018). *System antroponimyczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Toruń: EIKON.

Received on 21 January 2023

Accepted on 1 September 2023